

Солженицын. «Звезда», №6 июня, ставшее словом.

Андрей Битов

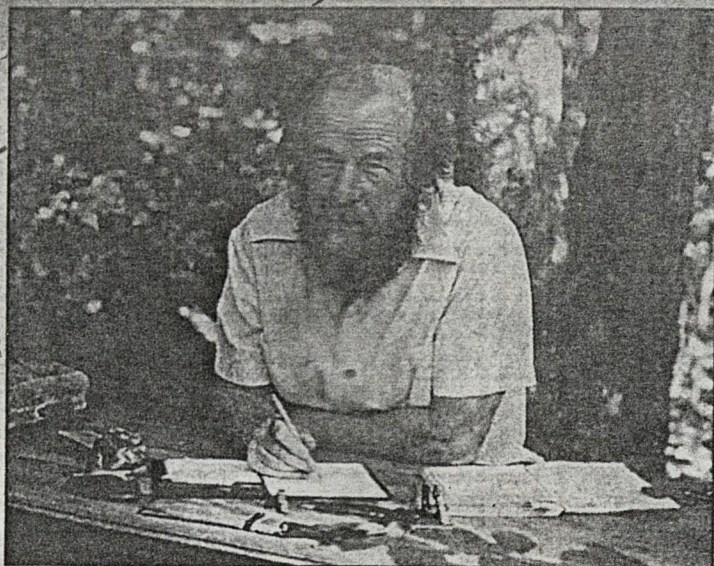
В

одной из уже давних статей Андрей Битов писал о том, что некоторые (немногие) писательские имена становятся «словами», входят не просто в историю литературы, но в состав языка. Так случается совсем не часто; Битов, к примеру, констатировал (на мой взгляд, совершенно точно): в русском языке есть слово «Маяковский», но нет слова «Заболоцкий».

Став «словом», имя художника обретает два противоположных качества, присущих «нормальному» живому слову: оно без особых комментариев понятно носителю языка, почти независимо от его социального и интеллектуального статуса; оно ощутимо полисемично и легко встраивается в самые разнообразные контексты, проницаемо их смысловой энергией и наделяя взамен обживаемые миры своими семантическими обертонами. Вероятно, яснее всего этот эффект ощущается при соприкосновении с Пушкиным, доступность и известность которого могут соперничать лишь с его же многомерностью, рождающей бесчисленное количество прочтений.

Еще не завершившаяся череда юбилеев актуализовала жанр тематического журнального номера, посвященного тому или иному писателю. В 1989 году «Звезда» и «Литературное обозрение» положили почин своими ахматовскими книжками. Далее получалось по-разному, почти всегда — с издержками. (Сужу нелицеприятно, так как принимал непосредственное участие в подготовке трех первых юбилейных номеров «Литературного обозрения».) Как кажется мне сейчас, принципиальные сложности, обнаружившиеся не в одних только тематических номерах, были связаны со своеобразным внутрикультурным конфликтом. Для кого-то имена Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Булгакова, Цветаевой давно стали «словами»; для кого-то — нет. Если в этих случаях уточнение оттенков (наука) не всегда гармонировало с приобщением к «слову», то в ситуации Маяковского («Литературное обозрение», 1993, №6) профессиональный разговор велся так, будто слово «Маяковский» в языке нашем отсутствует. Меньше всего здесь можно винить исследователей и редакторов — таков нынешний социокультурный расклад, обсуждение которого — тема отдельная и болезненная.

В солженицынском номере «Звезды» далеко не все материалы прямо посвящены нашему великому писателю. Из точки идут лучи: сперва помещены статьи и выступления Солженицына, как давние, так и новейшие (осень 1993 года). Важна точность отбора давних публикаций. «Раскаяние и самоограничение как категория национальной жизни»,

вашингтонская речь перед представителями профсоюзов, письмо Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви — три важнейших высказывания Солженицына о трех важнейших для него проблемах: Россия (ее история, ответственность и будущее), человечество (проблема Запада), Церковь. Не менее важно знакомство с Солженицыным новейшим. Далее помещены мемуары, затем статьи о Солженицыне, очерки об антигероях «Красного колеса» Милюкове и Керенском, тюремно-лагерные воспоминания тридцатых, ранних пятидесятых и семидесятых годов, затем — как смысловой итог — проповедь митрополита Антония Сурожского «Царственное священство». Двигаясь по журналу, мы формально все дальше отходим от Солженицына — и остаемся в его пространстве, все время помним о нем. Это и есть действие имени, ставшего словом.

Даже в мемуарном блоке собственно Солженицына не так уж много. Когда Валерий Прохвятилов публикует фрагменты своего эпистолярия, когда Владимир Болохов с неподражаемой свободой рассказывает о том, как он в лагере становился поэтом, когда Зоя Томашевская пишет о Елизавете Воронянской и своей матери Ирине Медведевой, знакомых нам по книге «Бодался теленок с дубом», — речь их не упирается в портретирование писателя, но наполняется его присутствием. Прохвятилов переписывался не только с Солженицыным и не только о нем. Болохову Солженицын старался помочь с публикацией, но не к этому сюжету сводится его рассказ. Гибель Воронянской (вслед за воспоминаниями представлены документы, свидетельствующие о существенных неясностях этой трагедии) прямо касалась Солженицына, но все-таки мемуар Томашевской не о писателе. Всюду речь идет о том, что должно именоваться «временем Солженицына». И о том же — совсем иначе — говорят письма советских граждан в высокие инстанции в связи с высылкой писателя за границу. В какой-то мере письма эти (от «почему этой политической кобре предоставлена возможность ползать по нашей планете?!» до

«Во-первых — дураки. Во-вторых — трусы. В-третьих — полдецы») вообще не про высылку. Они про жизнь, про то, что клокочет в глубине души или там, где должна быть душа: подвиг Солженицына и паскудная реакция власти просто высветили эти потемки.

Нет смысла реферировать очень неровный статейный раздел. Существенно не «качество» той или другой работы, но неприменный разбег ассоциаций, сопоставлений, полемики, что присущ весьма разномыслящим авторам. Они не столько о Солженицыне говорят (хотя без учета во всем несхожих статей Ричарда Темпеста о «проблеме героического мировоззрения» и Я. С. Лурье об эволюции исторических взглядов писателя теперь рассуждать об авторе «Красного колеса» будет затруднительно), сколько пытаются разрешить мучающие эпоху вопросы. И все вопросы — философские, исторические, конкретно-политические, эстетические — без солженицынской ноты не звучат. Вроде бы и не о нем речь, а все о нем. Чем дальше, тем ближе. Совсем не по-солженицынски видит Милюкова и Керенского Валентин Дякин и Борис Колоницкий, но почему-то сочли они должным отдать свои очерки в этот номер «Звезды». Получается, что нельзя прикоснуться к революции, не тронув Солженицына.

И тем более не минуешь его в тюремно-лагерно-сылочных сюжетах. Даже если записаны они (как Ленинградская больница Виктора Сержа) в 1944 году. История XX века отзывается Солженицыным всегда. И никакое яростное отрицание, никакая имитация равнодушия, никакая человеческая несправедливость тут не властны. Может быть, владыка Антоний и не вспоминал о Солженицыне, размышляя о «царственном священстве» как счастливым и трудном долге христианина. Все равно редакция «Звезды» была права, завершив журнальную книжку его проповедью. Была права, решившись на солженицынский номер. Твердо, спокойно и ненавязчиво проговорив то, что не всем хочется слышать: в русском языке есть такое слово — Солженицын.